

Робеспьер: ученик Руссо или его ниспровергатель?

Научный руководитель – Андерсон Кирилл Михайлович

Костина А.М.¹, Игнатова А.Н.²

1 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра сравнительной политологии, Москва, Россия, *E-mail: annkostina70@yandex.ru*; 2 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра российской политики, Москва, Россия, *E-mail: alexignatova2001@gmail.com*

Конференция «Ломоносов 2021»

Секция «История социально-политических учений»

Робеспьер: ученик Руссо или его ниспровергатель?

Научный руководитель - Андерсон Кирилл Михайлович

Костина А.М.¹, Игнатова А.Н.²

1 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра сравнительной политологии, Москва, Россия, *E-mail: annkostina70@yandex.ru*;

2 - Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра российской политики, Москва, Россия, *E-mail: alexignatova2001@gmail.com*

В эпоху Великой французской революции было множество деятелей, большинство из них уже навсегда позабыто, некоторые еще интересуют исследователей, но лишь единицы остались в памяти людей до настоящего времени. К последним относится Максимилиан Робеспьер. Его личность, деятельность, мысли вызывали множество споров тогда, остаются противоречивыми и до сих пор.

Во времена своей студенческой жизни он, как и многие молодые люди его возраста, увлекся запрещенной литературой просветителей. Именно тогда Робеспьер стал на долгие годы поклонником Жан-Жака Руссо. В отличие от многих, для Робеспьера это не было лишь увлечением молодости, он считал его своим учителем. Творчество просветителей, в особенности Руссо, оказало большое влияние на его взгляды, его выступления показывают, что он хорошо был знаком с литературой эпохи Просвещения. [1]

Тем не менее, не стоит забывать, в какую эпоху шло формирование личности и взглядов Максимилиана Робеспьера. В эту предреволюционное время он чувствовал все чаяния народа. Робеспьер остался предан идеям Руссо, но, возможно, именно из-за окружающей его обстановки он пошел дальше своего учителя.

В своей политической деятельности Робеспьер всегда отстаивал руссоистские принципы: он выступал крайне резко против цензового избирательного права, считая, что это может вырвать власть из рук народа и снова отдать ее богатым. [1] В Учредительном собрании и Якобинском клубе Робеспьер всегда отстаивал три основные идеи: народного суверенитета, политического равенства и социального равенства. Он видел в этом изъявление воли народа и главные цели революции. Однако, в отличие от Руссо, у Робеспьера не было той мечтательности, он был человеком действия, хотя революционная эпоха и не могла позволить ему быть другим.

Если основа конституционно-демократических взглядов Робеспьера не вызывает ни у кого сомнений (он всю жизнь продолжал считать себя учеником Руссо и верным последователем его идей), то революционно-демократическая диктатура вызывает сомнения, действительно ли он остался верен руссоистской концепции или же пошел дальше нее. Для якобинской диктатуры были характерны концентрация власти и применение насилия по отношению к людям, игнорирующее предписания Конституции относительно народного суверенитета и прав человека. Робеспьер был уверен, что данное правительство избегнет

произвола и будет действовать исключительно во благо народа, основываясь на честности и добродетелях людей, стоящих во главе правительства. В этом

тезисе отражается его вера в силу моральных начал человека, присущая идеалам Эпохи Просвещения.

Хотя Руссо, если и говорил о революции, то с крайней осторожностью, в своем трактате “Общественный договор” в главе “О диктатуре” он поднимает вопрос о возможности преступления норм закона в случаях, которое угрожают гибелью государству. То есть в некоторой степени он разрешил диктатуру в качестве временной меры. Однако эта глава носила скорее теоретический характер, не давая никаких практических ответов на насущные вопросы. Робеспьер попытался дать обоснование революционному правлению как чему-то новому, с чем еще не сталкивалось общество, поэтому мыслители прошлого и не могли ничего писать об этом. [2]

Ф. Энгельс считал, что именно в революционной диктатуре нашел себя принцип народного суверенитета Руссо [3], ведь террор осуществлялся во имя заботы о благе народа и для борьбы с врагами революции. Это и было практической реализацией идеи общественного договора. Однако английский историк Альфред Коббен считает, что если Робеспьер и следовал принципам Руссо, то тогда совсем не понял их. Террор, по его мнению, не мог быть продолжением идей Руссо и их практической реализацией. [4]

Таким образом, Максимилиан Робеспьер никогда в своих взглядах, как он сам считал, не терял связи с идеями Руссо. Однако этих двух мыслителей отличает эпоха, в которую они жили и в которую формировались их представления о государстве, обществе и путях их развития. Робеспьер жил и творил во времена революции, поэтому он не мог себе той мечтательности и созерцательности, которые были свойственны Руссо. Обстоятельства определили во многом то, что Робеспьер был вынужден через взгляды своего учителя трактовать жестокую революционную практику. То, что великий мыслитель эпохи просвещения Руссо описывал в виде абстрактных схем, деятель революции Робеспьер должен был реализовать на практике в тяжелых условиях борьбы с врагами революции, в стремлении сохранить основные ее завоевания. Тем не менее, как сам Робеспьер это мыслил, он никогда не отступал от ключевых руссоистских принципов: народного суверенитета, политического и социального равенства, а антидемократическую революционную практику видел временной и вынужденной мерой на пути к их полному осуществлению.

Источники и литература

- 1) Манфред А. Три портрета эпохи Великой Французской Революции. 2-е изд. – М.: Мысль, 1989. – 432 с.: ил.
- 2) Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2.0. С. 267
- 3) Robespierre M. Sur les principes du Gouvernement révolutionnaire//Textes choisis/Pref. et commentaire par J. Popere. Т. III. P., 1958. P. 99.
- 4) Cobban A. Rousseau and the Modern State. Hamden, Archon, 1961